

**Сборник Императорского
Русского Исторического
Общества**

Том 29

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С23

С23 Сборник Императорского Русского Исторического Общества: Том 29 / – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 751 с.

ISBN 978-5-4241-3876-8

ISBN 978-5-4241-3876-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ составъ втораго тома изслѣдованія моего: «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени» вошли послѣднія четырнадцать главъ біографіи, примѣчанія и приложенія къ этимъ главамъ.

Второй томъ, обнимающій періодъ жизни князя Безбородки, съ 1788 по 1799 годъ, дополненъ извѣстіями, которыя появились въ литературѣ во время печатанія этого тома, а также и неизданными весьма важными историческими документами, а именно:

1, подлинными бумагами барона О. А. Игельстрома, о Верельскомъ мирѣ, сообщенными мнѣ по распоряженію Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, сенатора А. А. Половцова,

2, копіями съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. Б. Грейгу, о Шведской войнѣ, а также и Записками Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, доставленными и указанными мнѣ академикомъ А. Θ. Быковымъ,

3, подлинными письмами князя А. А. Безбородки къ графу Н. П. Панину, за 1797 и 1798 годы царствованія императора Павла I, доставленными мнѣ отъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, посла нашего въ Лондонѣ, Предсѣдателемъ Общества А. А. Половцовымъ и

4, копію стиховъ, будто-бы написанныхъ графомъ А. А. Безбородкою: «Епиграмма сочинителю исторіи Петра Великаго Ивану Ивановичу Голикову», сохранившейся въ Остафьевскомъ архивѣ князя П. П. Вяземскаго

Второй томъ о князѣ Безбородкѣ занялъ двадцать девятый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, напечатаннаго подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества, А. А. Половцова.

Къ тому этому приложены: двѣ гравюры, на стали, работанныя въ Лейпцигѣ, Августомъ Вегеромъ: 1, портрета князя Безбородки, въ парадномъ мундирѣ и 2, памятника, поставленнаго на могилѣ его въ палаткѣ Александро-Невской лавры, а также и 3, планъ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, съ малою ризницею и и палаткою, для указанія мѣста погребенія тѣла князя Безбородки, съ объясненіемъ плана

Въ заключеніе считаю для себя пріятнѣйшимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность мою лицамъ, столь обязательно и радушно оказавшимъ свое просвѣщенное содѣйствіе многолѣтнему труду моему; фамиліи ихъ поименованы въ біографіи, примѣчаніяхъ приложеніяхъ и указателѣ.

Николай Григоровичъ.

С.-Петербургъ.
Январь 1881 года.

XI.

Война съ Турцією и Швецією. Проектъ В. В. Капниста.
Дѣло И. В. Якобія. Отношенія къ А. М. Дмитріеву-Ма-
монову. Появленіе П. А. Зубова.

Въ исходѣ 1787-го года, когда война съ Турцією только что разгоралась, новая невзгода постигла Россію: 4-го ноября Совѣту при ея величествѣ доложено было письмо посла нашего въ Стокгольмѣ въ вице-канцлеру „о непріязненныхъ видахъ короля Шведскаго на Лифляндію“. Густавъ III мечталъ о возможности возвратить Финскіе берега и Балтійскія провинціи, отнятыя отъ Швеціи Петромъ Великимъ. Совѣтъ, „соображая сіе извѣстіе съ безпкойнымъ правомъ и легкомысліемъ этого сосѣда нашего, признавалъ за нужное, въ осторожность, укомплектовать гарнизонные батальоны въ Ревелѣ и Аренсбургѣ“ ¹⁾.

О „легкомысліи“ короля Шведскаго относительно видовъ его на Россію, еще въ маѣ 1785-го года, Датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при С.-Петербуржскомъ дворѣ Сентъ-Сафорентъ намекалъ вице-канцлеру въ разговорѣ съ нимъ. Посоль сообщилъ графу Остерману, „что, по извѣстіямъ двора его, въ Швеціи разныя военныя приуготовленія продолжаются, и что положено быть лагерю въ Финляндіи, куда и самъ король намѣренъ ѣхать. Что онъ за долгъ почитаетъ подать повторительное увѣреніе, что дворъ его намѣренъ твердо держаться обязательствъ своихъ со дворомъ здѣшнимъ“. Въ 1786 году, 1-го апрѣля, посоль Великобританіи Фицгербертъ, на конференціи еще яснѣе высказался графу Остерману о видахъ короля Густава III. Онъ ему сообщилъ, „что Голландскій посланникъ въ Стокгольмѣ доносилъ объ отзывкахъ короля Шведскаго, что онъ не токмо не имѣетъ причины опасаться Россіи, но

можетъ еще и заставить себя почитать, имѣя въ готовности 15 кораблей и 15,000 войска, которое въ случаѣ нужды не трудно ему и удвоить". Для увѣренія вице-канцлера въ подлинности сего извѣстія, посланныйъ объявилъ, что „объ ономъ увѣдомился онъ отъ кавалера Гарриса, который имѣлъ случай самое письмо Голландскаго въ Швеціи посланника видѣть и читать. Впрочемъ,—присовокупили Фицгербертъ,—что сіе извѣстіе сообщила онъ и Сень-Сафорену“ ²⁾.

На извѣстіе это Петербургскій кабинетъ едвали обратилъ должное вниманіе, бывъ занятъ, главнымъ образомъ, начавшеюся войною съ Турціей, и, какъ извѣстно, наши первые шаги въ этой войнѣ были неудачны. Предстояло употребить всѣ средства, всѣ усилія къ тому, чтобы „можно было,—какъ выразился Безбородко въ одномъ изъ своихъ писемъ,—только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами“ ³⁾.

Въ самомъ началѣ 1788-го года наше правительство озаботилось прежде всего объ увеличеніи дѣйствующихъ войскъ. Секретнымъ высочайшимъ указомъ на имя Военной Коллегіи, отъ 18-го января, препровожденнымъ графомъ Безбородкою адмиралу Грейгу, при особомъ письмѣ своемъ, повелѣвалось: составить „сухопутную военную силу при той части флота“, которая предназначалась къ отправленію въ Средиземное море „для дѣйствій противъ непріятеля“ ⁴⁾.

Между тѣмъ, слухи и сообщенія о намѣреніяхъ Шведскаго короля относительно начатія имъ войны съ Россіею не переставали доходить до Русскаго правительства. Такъ, 2-го февраля Датскій посланникъ Сень-Сафоренъ извѣстилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что „король старается составить союзъ противъ насъ съ дворами Прусскимъ и Лондонскимъ, и съ неосторожностію показываетъ желаніе свое воспользоваться войною, которою мы заняты. Въ Амстердамѣ производится вновь заемъ 600 тысячъ рейхсталеровъ на 10 лѣтъ по 4 процента“ ⁵⁾.

Но и это сообщеніе, при всей видимой его правдоподобности, прошло какъ будто незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что въ это именно время высшее правительство и даже сама императрица Екатерина II чрезвычайно интересовались тѣмъ, какъ поведетъ себя дружественный Россіи Вѣнскій кабинетъ въ дѣлахъ нашихъ съ Турціею. 29-го января [9 февраля] 1788 года императоръ Іосифъ объявилъ Портѣ войну. „Такъ какъ императрица Всероссийская, — сказано было, между прочимъ, въ этомъ объявленіи, — подверглась враждебному нападенію Турокъ, то онъ, какъ вѣрный союзникъ ея, считаетъ себя вынужденнымъ помогать ей всѣми своими силами“ ⁶⁾.

Извѣстіе объ этомъ въ Петербургѣ было получено 10-го февраля. При чемъ императоръ писалъ: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ вашихъ слугъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, будучи также вашимъ слугою, посылаю въ походъ всѣ мои войска“. Императорскій же посолъ, графъ Кобенцель, еще въ прошломъ году завѣрялъ вице-канцлера, что государь его „пріемлетъ происшествіе сіе за casus foederis“ [случай, когда надо исполнить обязательство договора союза] 7).

Съ полученіемъ извѣстія, что Іосифъ II принимаетъ участіе въ войнѣ съ Турціею, Прусскій посланникъ, баронъ Келлеръ, на конференціи 19-го февраля, заявилъ, что дворъ его „изъявилъ сожалѣніе, что дѣла дошли до такой крайности и присовокупилъ желаніе, чтобы сей подвигъ его величества императора послужилъ въ скорѣйшему окончанію военнаго пламени. За симъ, посланникъ изъявлялъ сожалѣніе, что ея императорское величество не соизволила еще, относительно до возобновленія союза, открыть своихъ мыслей, которыя его Прусское величество тѣмъ болѣе узнать желалъ, что срокъ тому союзу толь близокъ, и наконецъ объявилъ, что, по его письмамъ, Гданское мѣщанство не сдѣлало двору его никакого предложенія о принятіи его въ подданство“.

Вице-канцлеръ отвѣчалъ посланнику, „что дѣла по Гданску находятся въ одинаковомъ положеніи, и что весьма сожалѣтельно было бы, если мѣщанство онаго города поступило на такую крайность, для упрежденія которой и сдѣлано было двору Прусскому внушеніе объ изъясненіи чрезъ его резидента тамошнему городу своего несогласія, на принятіе онаго въ подданство“ 8).

Посолъ нашъ въ Англію, графъ Воронцовъ, въ доношеніи коллегіи, отъ 18 [29-го февраля, а въ Петербургѣ полученномъ 6-го марта] писалъ, что онъ „объявилъ маркизу Кармартену, что до него дошли слухи, будто дворъ Французскій съ Англійскимъ имѣетъ тайныя сношенія, и оба сіи двора предпринимаютъ каки-то мѣры относительно настоящей войны Россіи съ Портою, однакожь, кажется ему, министру, невѣроятнымъ, чтобы маркизъ Кармартенъ, изъяснявшійся въ своемъ письмѣ къ повѣренному въ дѣлахъ г. Фразеру о Франціи, какъ о державѣ не чистосердечной, на которую Россія не можетъ полагаться, въ самое то время полагался на ту же Францію; онъ, министръ, показалъ также ему, г. Кармартену, отвѣтное письмо вице-канцлера къ упомянутому Фразеру, и примѣтилъ, что ея императорское величество весьма удивилась оказываемому Англіею равенству дружбы къ Россіи и къ Портѣ, что однакожь ея величество не имѣетъ никакихъ непріятельскихъ видовъ противъ Англіи, развѣ она сама къ тому подастъ поводъ. Сверхъ

того онъ, министръ, объявилъ маркизу Кармартену о другомъ рескриптѣ, коимъ ея величество просить о впускѣ въ Англійскіе порты здѣшняго флота, назначеннаго въ Средиземное море, въ случаѣ надобности къ починкѣ, или за припасами, или же за противными вѣтрами; на сіе послѣднее отозвался маркизъ Кармартенъ, что о семъ донесетъ королю, своему государю. Г. Пить, съ которымъ онъ, министръ, видѣвшись послѣ, и которому онъ вышесказанное то же повторилъ, отвѣчалъ, что въ прошлую войну Англія, окружена будучи четырьмя непріятелями безъ всякой отъ дружескихъ державъ помощи, много претерпѣла отъ Французской въ Голландіи партіи, ссылавшейся отъ имени ея императорскаго величества на нейтральныя ея правила, что Англія не имѣла участія въ объявленіи Портою войны Россіи и постарается то доказать, не давая помощи Туркамъ, которые имѣли бы право требовать оной, еслибы они, по наущенію ея, нарушили миръ; что нѣтъ никакого согласія съ Франціею; но какъ сей послѣдній дворъ намѣренъ помогать Россіи и Австріи, дабы присвоить себѣ нѣкоторыя Турецкія владѣнія, то Англія никакъ не будетъ препятствовать завоеваніямъ, какія можетъ учинить Россія, однако не будетъ терпѣть приумноженія владѣній Франціи въ Турціи" ⁹⁾. Черезъ день по полученіи этого донесенія, 8-го марта, Испанскій посолъ Нормандесъ заявилъ вице-канцлеру о „двойности въ поведеніи Англіи“; но, за заявленіе свое, онъ названъ былъ иностранными дипломатами въ Петербургѣ умалишеннымъ и, по ходатайству ихъ, отозванъ отъ Петербургскаго двора ¹⁰⁾. Министръ Нормандесъ сообщилъ, „что какъ во время объявленія войны здѣшней имперіею отъ Порты Оттоманской, прибылъ сюда изъ Англіи нарочный курьеръ, то дворъ его почиталъ, что оный присланъ былъ съ предложеніями, о учиненіи Россіи всякаго вспомоцествованія и снабженіи ея по требованіямъ морскими офицерами, а поелику возгорѣніе сей войны приписываемо было внушеніямъ Англійскаго въ Царьградѣ посла Енслія, то Испанскій посланникъ въ Константинополѣ примѣтилъ тамошнему министерству о сей двойности по поведенію Англійскаго двора; вслѣдствіе чего оное министерство не преминуло потребовать въ томъ изъясненій отъ г. Енслія, который въ оправданіе свое сказалъ, что вышепомянутое предложеніе сдѣлано для того, чтобы дворъ его могъ тѣмъ лучше узнать всѣ обстоятельства, касающіяся до отправленія Россійскаго флота, и что, для надзиранія надъ движеніями онаго и другихъ флотовъ, намѣренъ онъ послать въ Средиземное море собственную свою эскадру, для чего означенный посолъ и просилъ о назначеніи двухъ портовъ въ Архипелагѣ,

именно же Кайдискаго [Кандійскаго], куда бы та эскадра свободно входить могла“.

Вице-канцлеръ сказалъ министру, „что вышеизображенное извѣстіе о предметѣ прибытія сюда Англійскаго курьера не имѣетъ никакого основанія; ибо онъ присланъ былъ съ предписаніями объ опроверженіи приписываемыхъ послу Енисію подвиговъ въ побужденію Турковъ на разрывъ мира съ здѣшнюю имперією“ ¹⁾).

Объявленіе Іосифомъ II войны Турціи, хотя и доставило „удовольствіе императрицѣ“, какъ говоритъ секретарь ея Храповицкій; но, въ это же время, извѣстія отъ Выборгскаго намѣстника причиняли ей величайшую заботу. Война съ Швеціею была неизбежна. Генералъ-поручикъ Гинцель репортовалъ „о примѣчаемомъ на Шведской сторонѣ необычайномъ тщаніи обучать расположенныя въ сосѣдствѣ къ границамъ нашимъ войска“. Эти извѣстія указывали, что со стороны Швеціи собирается гроза, и потому въ засѣданіи Совѣта, 20-го марта 1788 года, графъ Безбородко предложилъ какъ соображенія свои о нужныхъ мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію границъ нашихъ, Лифляндскихъ и Финляндскихъ, такъ и выписку изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсій со стороны Шведской. „Осторожности пограничныя,—говорилъ онъ въ началѣ своей записки,—въ здѣшней части приняты быть должны такіа, чтобъ оную обезпечить не токмо противу Шведскаго нечаяннаго нападенія, но и на случай какихъ либо покушеній со стороны короля Прусскаго. Хотя многія изъ мѣръ, тутъ представляемыхъ, требуютъ времени, но необходимо за нихъ принятыя и по крайней мѣрѣ впредь отвратить подобныя недостатки, каковы нынѣ встрѣчаются“. Далѣе записка признаетъ нужнымъ сдѣлать распоряженія по тремъ частямъ: морской, сухопутной и политической. По первой, или по части морской, графъ Безбородко признавалъ необходимымъ восполнить, привести въ порядокъ и подчинить одному адмиралу разныя эскадры, назначенныя для наблюденія надъ Швеціею, и исправить порты Кронштадтскій, Ревельскій, который находился въ „самомъ худомъ“ состояніи, и Балтійскій. По части сухопутной записка рекомендуетъ привести Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія крѣпости, „коливо возможно, въ оборонительное состояніе“, т. е. снабдить ихъ артиллеріею и людьми. Здѣсь, въ числѣ средствъ для пополненія арміи людьми, графъ Безбородко указываетъ, во первыхъ, на „укомплектованіе пограничныхъ гарнизоновъ излишними церковниками“, въ Астрахани и Сибири даже семейными, и во вторыхъ, „на формированіе хоругвъ Бѣлорусскихъ изъ мелкой шляхты“. Соображенія по сухопутной части Безбородко оланчиваетъ словами: „Нужно послать генерала

въ Финляндію для осмотра всего поправленія что надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и не оказывая беспокойства и опасенія". По части политической графъ Безбородко въ запискѣ своей говорить: „Съ Датскимъ дворомъ заранѣе о всемъ снестися и согласиться о дѣйствіяхъ ихъ въ пользу нашу на сухомъ пути и на морѣ. Графа Разумовскаго наставить, какое ему имѣть поведеніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ случаѣ покушеній и возможности, стараться возбудить въ Финляндіи и въ Швеціи волненіе, чего ради онъ долженъ будетъ, при наблюденіи за поступками короля и его креатуръ, употребить всемѣрное попеченіе, утверждать добронамѣренныхъ къ нашей сторонѣ, умножать число ихъ приобрѣтеніемъ новыхъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, внушать имъ, что у насъ не могутъ быть никакіе противу Швеціи замыслы, что мы желаемъ ей покоя и восстановленія ея вольности, и что собственная отечества ихъ польза наилучшимъ для нихъ будетъ служить убѣжденіемъ отвращать легкомысленную короля ихъ рѣшимость на какое либо предпріятіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ бѣдствій и тягостей, съ войною сопряженныхъ, послѣдованія ея, конечно, самыя вредныя, для Швеціи быть могутъ“¹²⁾.

При столь неопредѣленныхъ и въ тоже время тревожныхъ событіяхъ, нельзя было не обратить вниманія на то важное обстоятельство, что для веденія войны одновременно съ двумя государствами необходимо располагать усиленнымъ войскомъ при опытныхъ, знающихъ свое дѣло офицерахъ, какъ въ арміи, такъ и во флотѣ. Тогдашніе-же государственные дѣятели и истинные патріоты ясно сознавали недостатокъ въ „потребныхъ“ военныхъ людяхъ, на что, какъ сказано, графъ Безбородко и указывалъ Совѣту. Необходимо было прибѣгнуть къ усиленнымъ наборамъ, изыскать тѣ или другія мѣропріятія, которыя влонились бы къ устраненію этого недостатка. Не говоря о наборахъ, къ которымъ правительство вынуждено прибѣгать въ крайнихъ обстоятельствахъ, въ это время возникли двѣ мысли для восполненія недостатка въ военныхъ людяхъ: это—проектъ, или „Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ“ наддворнаго совѣтника В. В. Капниста, автора извѣстной комедіи: „Ябеда“, и привлеченіе въ Русскую службу опытныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ.

„Положеніе“ Капниста составлено въ началѣ 1788-го года; по высочайшему повелѣнію было передано на разсмотрѣніе графу Безбородкѣ, который и представилъ о немъ свое особое „мнѣніе“. По „Положенію“ каждый казакъ, поступившій въ „охочіе“ со своею лошадыю и аммуни-

цією, долженъ былъ прослужить „дѣйствительно 10 походовъ“, за что ему назначалось 12 рублей жалованья, провіантъ и фуражъ; а семейство его освобождалось отъ платежа подушнаго оклада и отъ отбыванія рекрутской повинности. Въ Малороссіи насчитывалось тогда около полмилліона казаковъ. „Если по плану г. Капниста,—говоритъ въ своемъ „мнѣніи“ Безбородко,—навербовать изъ нихъ до 5,000 человекъ, то, по его же расчету, убудетъ изъ податей 25,000 душъ, деньгами же 30,500 руб.; рекрутъ примѣрно по мирному времени, полагая до 200 человекъ“. Но этотъ „ущербъ“ въ людяхъ, при предполагавшейся реформѣ, удобно могъ быть устраненъ привлеченіемъ, „для укомплектованія войскъ“ [мѣстныхъ], разнаго званія людей, неотбывающихъ рекрутской повинности, а недоборъ въ податяхъ могъ быть восполненъ уравненіемъ всѣхъ казаковъ въ платежъ существующаго оклада съ прочими казенными поселянами, т. е. вмѣсто 1 руб. 20 коп. они, наравнѣ съ послѣдними, должны платить 1 руб. 70 коп. Высказавъ, за тѣмъ, еще нѣкоторыя „примѣчанія“ и, какъ видно, соглашаясь съ проектомъ, графъ Безбородко, однакоже, находилъ необходимымъ спросить мнѣніе князя Потемкина. „Князь Григорій Александровичъ,—говоритъ въ заключеніе своего „мнѣнія“ Безбородко,—формируя какъ регулярныя казачьи полки изъ разныхъ нерегулярныхъ войскъ, такъ и изъ разныхъ поселанъ на подобіе Донскихъ казаковъ, а потому и дабы сохранить возможное единообразіе, не повелѣно ли будетъ планъ г. Капниста съ сими примѣчаніями и съ вѣдомостями о числѣ людей послать къ нему на разсмотрѣніе, увѣдомя о соизволеніи вашего императорскаго величества знать его мнѣніе, и положить штатъ для сего войска“ ¹³⁾.

Потемкинъ, съ своей стороны, согласно съ „мнѣніемъ“ графа Безбородки, находилъ, что „наборъ казаковъ“, по проекту Капниста, „полезенъ“ и полагалъ „быть ему по образцу Донскихъ казаковъ“.

Какая судьба постигла проектъ Капниста—я не доискался. Замѣчу только, что императрица интересовалась этимъ проектомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать по слѣдующей запискѣ государыни на имя графа Безбородки: „О семъ прошу мнѣ доложить завтра и прочесть сей проектъ предо мною, чтобъ можно было дать Капнисту рѣшительный отвѣтъ. Вложенная записка, рукою Попова писанная, есть мнѣніе князя Пот[емкина]“ ¹⁴⁾.

Другой вопросъ, занимавшій въ это время правительство Екатерины II—это привлеченіе въ Русскую службу оцѣтныхъ и способныхъ офицеровъ изъ иностранцевъ. Безбородко, принимавшій участіе во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ текущихъ событіяхъ, не разъ касался этого

предмета въ письмахъ своихъ къ князю Потемкину, какъ сказано будетъ ниже.

Одновременно съ проектомъ Капниста возникло или, по крайней мѣрѣ, стало известнымъ одно обстоятельство, о которомъ необходимо сказать здѣсь,—обстоятельство, представляющееся довольно темнымъ и загадочнымъ. Я разумѣю дѣло по доносу на Иркутскаго генераль-губернатора И. В. Якобія, въ которомъ, будто-бы, замѣшанъ былъ, вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, и графъ Безбородко. Подлиннаго дѣла я не могъ отыскать. По свидѣтельствамъ же современниковъ дѣло это заключается въ слѣдующемъ:

Гарновскій въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ, что доносъ сдѣланъ былъ въ началѣ января 1788-го года не только на одного Якобія, но вмѣстѣ и на графа Безбородку съ графомъ А. Р. Воронцовымъ. Подъ 9—11 числами Гарновскій пишетъ: „Въ концѣ прошедшія недѣли, нѣкто, находившійся при дѣлахъ въ Иркутской губерніи, коллежскій ассессоръ Парфеньевъ [въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что это Трифоновъ] подалъ государынѣ, посредствомъ дежурнаго генераль-адъютанта графа Брюса, запечатанное письмо, въ которомъ объявля, что онъ имѣетъ донести ея императорскому величеству нѣкоторое важное дѣло, просилъ, чтобъ оное приказано было разсмотрѣть тому, кому ея императорское величество заблагоразсудитъ изволить, исключая только графа Безбородку и графа Воронцова, яко людей, преступленіями въ доносъ уличаемыхъ.

„Графу Брюсу поручено было учинить естрактъ изъ сего доноса, въ которомъ, какъ меня увѣрялъ тотъ, кто сочинялъ естрактъ, найдутся неоспоримыя доказательства, что превращеніе нашихъ съ Китайцами торговъ произошло отъ причиненныхъ Китайцамъ разныхъ притѣсненій, которыя, по желанію обоихъ графовъ, производилъ въ дѣйство г. Якобій. При доносѣ приложены копіи съ писемъ, между Якобіемъ и обоими графами по сей части производившихся, и если подлинники окажутся съ копіями сходны, то, по мнѣнію сочинителя естракта, будетъ худо помянутой троицѣ“. Сказавъ, за тѣмъ, что государыня, узнавши о доносѣ, „находилась въ превеликомъ смущеніи, не говоря объ ономъ никому ни слова“, исключая А. М. Дмитріева-Мамонова, Гарновскій продолжаетъ: „Вчера съ его превосходительство [Мамоновъ] разговаривалъ о семъ съ государынею, которая доносителя почитать изволить за сумасшедшаго человѣка. Но какъ заключеніе сіе не сходно съ заключеніями сочинителя естракта, то я думаю, что государыня и отъ Александра Матвѣевича мысли свои въ семъ случаѣ скрываетъ. Впрочемъ, быть